

ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОСОБЫ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Философский этос и философический аутизм

Беря в руки книгу по философии, читатель вправе рассчитывать, что он найдет в ней если не сами ответы, то хотя бы пути к ответам на вопросы «зачем я живу?», «в чем смысл жизни вообще и моей собственной, в частности?», «что есть добро и как отличить его от зла?». Действительно, разве философия не есть выработка разумного основания для устройства жизни человека, осмысления им своего места в действительности, принятия на этой основе решений и претворения их в жизнь? Поэтому от философии обычно ждут ответа на те вопросы, с которыми сталкивается человек, а то и все общество в целом. Но если философ берется давать такие ответы, он перестает быть философом. Это скорее задача житейской морали, идеологии, религии. Задачи же философии иные. Задача философии – не столько давать ответы на все случаи жизни, сколько учить правильно ставить вопросы, чтобы самому искать и находить ответы.

В чем же заключаются особенности образа философа и репутации философии в общественном мнении? От чего они зависят? И за кого держат себя сами философы? Как они отличают друг друга от прочих братьев по разуму? Иначе говоря, наукообразно выражаясь, в чем особенности философского этоса?

Сами философы упорно расценивают свое занятие как отрасль знания, а то и науки. По крайней мере, защищают диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, получают научные звания доцентов и профессоров, почетные звания «деятелей науки». Между тем общеизвестно, что по мере формирования науки, по мере дивергенции и все большей специализации научных дисциплин, нарастали напряжения в отношениях науки и философии. Между ними сложились непростые, взаимно подозрительные, если не взаимно ревнивые отношения. То философия, вспоминая о былом – своем пребывании в роли «матери всех наук», «науки наук» – начинала поучать свое любимое, но своенравное чадо, то пыталась сама принять вид науки, вызывая этими попытками придать себе статус научности и даже науки наук небезосновательный скепсис и иронию научной общественности. Психоаналитики, наверное, разобрались бы, чего в этом больше: «воли к власти» или «комплекса неполноценности». Но и наука постоянно демонстрирует своеобразный «эдипов комплекс», вновь и вновь низвергая философию и получая на ее развалинах новые варианты философии, причем, не всегда лучшие.

Подобно России и Украине, связанным общими историческими, культурными, географическими, этническими, экономическими корнями и связями, но обостренно ревниво-подозрительно относящихся к проявлениям активности друг друга, наука и философия оказываются «скованными одной цепью». Однако дело не сводится здесь к психоанализу и коммунальным отношениям. Представляется, что оно намного серьезнее, сложнее, интереснее и даже — что оно поучительно.

Ситуация приобретает особенно причудливый характер при сравнении философского и научного этоса. Научный этос, даже с учетом всех его особенностей, о которых еще будет повод поговорить, остается все-таки именно этосом — сводом писанных и неписанных правил совместной деятельности. Очевидно, что необходимость в них обусловлена необходимостью признания неких общих принципов и критериев истины, таких, как объективность, проверка экспериментом, математическим расчетом. Вне таких принципов и оснований научная коммуникация и аргументация утрачивают всякий смысл.

Философия же, в отличие от науки, предполагает не столько социальную конвенцию, сколько установку на индивидуально-неповторимое осмысление действительности. Это проявляется даже в рамках философских направлений. Например, к неопозитивистской традиции и аналитической философии принадлежали философы самых разных, зачастую принципиально различных взглядов: от сочувствовавших социал-демократии и коммунизму (О. Нейрат, В. Шлик, Р. Карнап) до активных антикоммунистов и клерикалов (И. Бохеньский, Я. Лукасевич). При этом Л. Витгенштейн, считающийся основателем обеих упомянутых традиций, никогда не отождествлял себя ни с той, ни с другой и сам тяготел поначалу к толстовству, а затем к восточному эзотеризму.

Философ всегда и прежде всего — личность, занимающая собственную неповторимую позицию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Зачастую эта индивидуально-неповторимая позиция приходит в резкое столкновение с общепринятыми нормами, а то и сознательно им противопоставляется. Поэтому архетипической фигурой философа на все времена стал Сократ, вынужденный по решению суда выпить яд, а в отечественной философии эту роль сыграл П.Я. Чаадаев, высочайшим повелением объявленный умиленным.

Хотя философ является носителем некоей мудрости или претендует на это, он отнюдь не личность, добившаяся жизненного успеха. Он и не стремится к этому. Осмысление мира в целом, на которое претендует философ, выводит его в контекст этого мира. Поэтому

философ — личность не от мира сего, занимающая позицию вне этого мира и только так получающая возможность понять и судить этот мир.

Даже в СССР, обществе, строившемся якобы на основах «единственно научной философии» максимальный социальный статус, на который мог претендовать самый идеологически правоверный выпускник философского факультета, это либо секретарь парткома вуза, либо консультант ЦК, но никак не руководитель. Технократическая и бюрократическая номенклатура как правящая элита испытывала органическое недоверие к «философам».

Иначе говоря, позиция философа (настоящего или имиджевого) всегда и везде — это позиция аутсайдера, следствием чего и является своеобразное отношение общества к философам и философии. С одной стороны, они — что-то вроде юродивых, блаженных не от мира сего. А с другой — вечно виноватые. Не важно, что их никто никогда не слушал: если что-то в жизни идет не так, то виноватыми в этом оказываются, прежде всего, именно философы, «учителя жизни», которые, оказывается, учили не тому и не так.

Нефилософская философия

Как реализуется философствование? Где возникает и где живет философия? Не секрет, что исходящая с вузовских кафедр и из тиши академических кабинетов философская мысль не оказывает серьезного воздействия на общество. Речь идет не только и не столько об иронически-терпеливом отношении к преподаванию философии — такое отношение к преподаваемым дисциплинам вообще характерно для школьно-студенческой среды. Важнее другое — явная преувеличенность слухов о непосредственном влиянии философии на умы.

Между тем явно и довольно остро ощущается голод по внешкольной, неакадемической философии, по независимому и честному суждению. Не случайно в годы духовного застоя возник и активно разгорался, особенно в молодежной среде, интерес к религии, особенно к ее экзотическим формам в духе New Age. Эти настроения способствовали появлению и росту разнообразных, но замкнутых объединений и общин, в том числе тоталитарного толка. В то же время интенсивный духовный поиск способствовал росту активного интереса к истории философии (особенно отечественной), к идеям современной зарубежной философии.

Альтернативный духовный поиск пронизывал и пронизывает среду художественной, научно-технической интеллигенции, интеллектуалов, в том числе «дворников» и «кочегаров», занятых

интенсивным духовным поиском и творчеством, но не нашедших возможности для полноценной социальной самореализации.

Активное и интенсивное философствование всегда было свойственно не только гуманитариям, но и специалистам-естественникам. Более того, в отечественной мысли давно уже сложилась традиция «нефилософской философии». Характерно, что такие глубокие отечественные мыслители XX столетия, как С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, В.И. Вернадский, Л.Н. Гумилев, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, А.А. Любищев, Б.Ф. Поршнев, С.С. Хоружий, В.Б. Шкловский – не профессиональные философы, хотя и являются таковыми по самому «гамбургскому счету». Их философствование, осуществлявшееся и осуществляемое за рамками, а зачастую и вопреки философскому официозу, входит в ткань духовной жизни общества, определяя и содержание концептуализаций профессиональных философов.

Но такая тенденция характерна для российской философской культуры вообще. Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры – П.Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, В.В. Розанов, Вяч. Иванов, П.А. Флоренский, П. Савицкий и др. – не являлись философами ни по специальной подготовке, ни по официальному статусу, ни по роду занятий. В. Соловьев был отстранен от университетской кафедры. А такие ключевые для понимания русской мысли фигуры, как Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой? Можно сказать, что типологической закономерностью развития российской философии является философская канонизация нефилософского философствования. Психологи Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев оказали решающее влияние на формирование деятельностного подхода в отечественной философии. Ныне живущие в Германии, но с очевидностью яркие русские мыслители Б.Е. Гройс и И.С. Смирнов – изначально специалист по математической лингвистике и филолог соответственно, Б.И. Парамонов – историк. По словам студентов и выпускников философского факультета Санкт-Петербургского госуниверситета последних лет, их самым ярким философским впечатлением за время учебы был спецкурс Н.А. Шанина, одного из создателей конструктивистской школы оснований математики.

Эта же тенденция характерна и для мировой философской культуры. От философии Возрождения и Нового времени до наших дней в динамике философской мысли нередко ключевую роль играли отнюдь не профессиональные философы, и сама эта динамика зачастую реализовалась на основе противопоставления и противостояния философии как таковой. Ф. Бэкон, позитивизм, З. Фрейд, Ж. Деррида – только первые пришедшие на ум фигуранты и направ-

ления. А. Эйнштейн и Н. Бор, А. Пуанкаре и В. Гейзенберг – яркие и ключевые фигуры в философской мысли прошлого столетия, их интуиции дали богатую пищу для ума не одного поколения профессиональных философов. Живое философствование всегда получало и получает мощный импульс для своего развития из-за пределов собственно философской культуры.

Философствование и философия

Итак, есть живое философствование и есть академическая философия. Есть собственно философы – те, кто философствует, и есть преподаватели философии, делящиеся радостью узнавания чужого философствования. Парадокс заключается в том, что профессиональной философией считается второе, тогда как первично и существенно первое, реализоваться же оно – философствование – может где угодно, на каком угодно жизненном материале, а отнюдь не только в учебных аудиториях или на профессиональных философских конференциях.

Да и в академической среде важным и существенным является не столько официальное профессиональное общение, доклады и сообщения на конгрессах и конференциях, сколько живое общение конкретных философских сообществ, представители которых могут жить в разных городах и странах, переписка, обмен электронными сообщениями, поездки в гости. Все это «живое философствование» и отливается потом в монографии, статьи, лекции.

На это обстоятельство обратил внимание М. Эпштейн, подчеркнувший¹ особо «симпосийный» характер русского философствования, его особую близость традиции платоновских диалогов (в первую очередь «Пира», буквально – «symposion»). Речь идет не только о диалогичности, но и об особой «тотальной» полифонии духовности, интегрирующей абстрактные идеи, душу и телесность философа, науку и поэзию, критику и фантазию, анализ и синтез, историчность и утопизм. Традиция и опыт такого философствования во многом утрачена на Западе, где философия (особенно в англоязычной традиции) приобрела характер акцентированно аналитической интеллектуальной деятельности. Эту качественную особенность российского духовного опыта М. Эпштейн называет его *Filosofia*, в отличие от западной *Philosophy*. Различие между ними он уподобляет различию между симпозиумом схоластов и платоновским симпозионом. Вне этого различия адекватное восприятие русской философии – и современной в том числе – невозможно. Однако, речь идет скорее не о жестком противопоставлении. Запад имеет своих ярких представителей *Filosofia*: К. Честертон и Ч. Льюис в Англии, Ф. Ницше и М. Хайдеггер в Германии,

Ж. Батай, Г. Башляр, Ж. Бодрийяр во Франции. Аналогично и в России можно найти представителей канонического неокантианства, структурализма, позитивизма и т. д. Поэтому можно говорить скорее об акцентуированных типах бытования философской мысли: живое философствование как многообразное и разнообразное в своей жизненной полноте осмысление мира в его единстве и беспредельности — во-первых, и во-вторых — философия как рациональная систематизация философствования.

Итак, философствование реализуется практически во всех сферах жизнедеятельности. Но как тогда отличить его от чего-то иного? Существует ли какая-либо специфически философская тематика осмысления, форма мышления, язык, поступки, образ жизни?

В этой связи представляется плодотворным и оправданным не строить различные рационалистические конструкции, не изощряться в решении вечной проблемы дефиниции философии, а взглянуть непредвзято на само реальное бытование философствования. Иначе говоря, почему бы не взять за точку отсчета представление о философии как о том, чем занимаются философы, а точнее — философствующие? Такой подход лишь на первый взгляд кажется тавтологичным. Меня же он привлекает тем, что начинает не с определения понятий, а со взгляда на философию как на специфическую деятельность, которой занимаются люди, идентифицирующие себя как философы. Философия предстает не как вид знания, а как социально организованная и социально значимая деятельность. Она может иметь свои цели и ценности (предмет деятельности) и реализуется по определенным правилам как любая сфера культуры.

Точнее говоря, с таких позиций философия предстает не столько как единая, монолитная, строго упорядоченная система, сколько как «система систем», которые находятся в отношениях и связях друг с другом, напоминающих «семейства языковых игр» Л. Витгенштейна. Эти отношения и связи напоминают плетеную (типа кольчуги) или войлочную структуру. Философские концепции и способы философствования относятся друг к другу не как род и вид. Они образуют сложные цепочки и плетения, в которых каждое из звеньев пересекается с близлежащими, цепляется за них, но при этом может и не иметь никаких непосредственных связей с другими, может никак к ним не относиться или иметь сложно опосредованные переходы к ним. Например, непосредственный переход от позитивизма к экзистенциалистскому философствованию без посредства феноменологии практически невозможен.

Поэтому философские взгляды с таким трудом поддаются классификациям и систематизациям — в лучшем случае, по эпохам и

культурно-этническим факторам. Всякие другие классификации и рационализации суть огрубление одних концепций в рамках других, их неизбежное искажение. Вот почему очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга — ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Однако все вместе, в своей целостности они образуют прочную и всюду плотную ткань философствования, покрывающую (или пронизывающую) все сферы жизнедеятельности.

При всем разнообразии своих форм философия — на редкость целостная нормативно-ценностная система культуры. Если только понятие целостности применимо к универсуму вообще, к полноте мира и жизни человека. Действительно, философия — универсальное, предельное, если не за-предельное осмысление. Выражается это в за-предельном характере ее традиционных вопросов.

Будучи мировоззрением и миропониманием, если не мироощущением, любая философия — как осмысление мира, человека и его места в мире — связана с поисками ответов на несколько «философиеобразующих» вопросов:

- какова природа действительности, что представляет собой реальность самой реальности?
- что такое человек?
- что происходит в момент смерти?
- почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно?
- в чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное. Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир. Из этого следует, что философия в принципе не является и не может быть наукой в самом точном смысле этого термина — в смысле *science*. И это несмотря на самые наукообразные и рациональные формы возможного философского осмысления.

Реальные вещи суть реальные вещи. Их можно увидеть, потрогать пальцем, изучать с помощью специальных приборов. Реальные вещи и процессы и составляют предмет науки в собственном смысле — как *science*. Но кто и когда видел истину, свободу, красоту, добро, идею как таковые? Кто, где и когда видел мир вообще, как таковой? Его первопричину? Все они суть абстракции, еще точнее — культурные смыслы, задающие контекст конкретных интерпретаций.

Смысл слова уясняется из контекста предложения. Смысл предложения — из контекста текста. Аналогично невозможно дать ответ на вопрос о смысле жизни, оставаясь в границах самой жизни. И тогда смысл жизни оказывается связанным с Богом, историческим прогрессом, воплощением определенной идеи, последующими

поколениями и т. д. — всем тем, что превосходит жизнь отдельного человека. Но в своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще, который может быть найден только с позиций «не от мира сего».

Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне- и над-природно. Из трансцендентности философствования следует ряд принципиальных обстоятельств, характеризующих любое его проявление.

Во-первых, философия оказывается индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Будучи предельным осмыслением, она есть свобода выбора своего идеала, реализующаяся как поиск, нахождение и утверждение человеком самого себя — конечного существа — в бесконечном мире. Философствование дает человеку смысложизненное оправдание — таков «социальный заказ». Всякая философия так или иначе отвечает на вопрос о смысле жизни — обстоятельство очевидное для нефилософов и неочевидное для некоторых философов лишь потому, что они, подобно Журдену, не знают, что «говорят прозой».

Однако философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философствование, как самоопределение, в конечном счете есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это — во-вторых. Сколь бы ни стремился мыслитель учить, как жить дальше, на самом деле его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби-в-бытии», как говорил М.М. Бахтин. И философия — не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Ее привлекательность лежит в самой природе самооправдательных возможностей философской рефлексии. Философия, как всякое рациональное осмысление, есть позднейшая рационализация пройденного пути. Она объясняет смысл ситуации, в которой находится субъект — не более. Но и не менее.

В-третьих, в силу первого и второго, философствование должно располагать богатым спектром выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости.

Ф.М. Достоевский говорил, что «ум — подлец, потому как виляет», — ищет и находит объяснения и оправдания происходящему. В этом плане философский ум — самый «подлый», так как по своей природе он занят объяснениями и оправданиями мира в целом, фактически — чего угодно.

Извне, с позиции непосвященного, философствование выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле, как универсальное, предельное

самоопределение, философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным — как само это бытие — способом реализации свободы самоопределения.

Вербальные и невербальные способы философствования

Как всюду плотная ткань осмысления действительности, философия подобна фольклору, «народной мудрости» — столь же универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна, так как фольклорное осмысление дается с самых разных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в паремиях — пословицах, поговорках, инвективах и т.п. — даются осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе — на основе взаимопротиворечащих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанское»; «везде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет» и т.п. Однако такая взаимопротиворечивость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а наоборот — укрепляет его целостность и полноту.

В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М. Монтень, Б. Паскаль, Новалис, В.В. Розанов — перечень таких мыслителей можно продолжать. За счет чего же достигается целостность «паремиологического» философствования? Его противоречивая полнота есть выражение целостной неповторимости личности философа. Именно неповторимая индивидуальность его выступает интегрирующим фактором. Противоречия осмысления объединены его личностной неповторимостью и уникальностью. Философские паремии в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную линию. История их развития — личная биография мыслителя. Поэтому наиболее развитой формой паремиологического философствования являются дневниковые записи.

Однако философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма), могут разрастаться в назидания, эссе, диалоги,

новеллы, повести или романы, как скажем, в творчестве Платона, Унамуно, Достоевского, Толстого, могут иметь самостоятельное художественное значение. Важно подчеркнуть, что философствование может реализоваться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения.

Общей чертой паремиологического и сюжетного философствования является необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения. Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим результаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только новомодные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы, Вольфа. Различия между ними – в степени упорядоченности. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором.

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах – от Декарта и Спинозы до Фихте и Гегеля. Если для паремиологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она – терпимый и несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном развертывании исходных принципов, требование противоречивости – парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип. Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости, поэтому наиболее последовательные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все, что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров, хотя уже на примере этих форм выражения, так сказать, «левополушарного», словесного философствования видно богатство философской палитры. Опыт показывает, что существует и «правополушарное» философствование, реализуемое с помощью иконических знаков – схем, рисунков, изображений. Так, на геометрически-наглядном рассуждении основана античная математика. Но и философия оперирует наглядными образами. И не обязательно словесными их описаниями. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию икони-

ческими знаками, причем характер используемых средств – схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений – и даже склонность к вполне определенным фигурам (треугольникам, кругам, прямоугольникам, стрелкам и т. д.) способны многое сказать о способе и стиле философствования того, кто ими пользуется. Недаром в свое время П.А. Флоренский задумал даже создание *Symbolarium*'а – словаря иконических знаков-символов и их смысловой палитры: от точки до сложных фигур и конфигураций.

Особая проблема – перевод «левополушарных» способов философствования в «правополушарные» и наоборот. Речь идет не только о дидактических целях такого перевода вроде проблемы наглядности в преподавании. Ф. Бэкон считал, что задачей философии является обнаружение «скрытого схематизма» явлений. И наглядные образы, метафоры, модели могут не только иллюстрировать словесно выраженную мысль, но и предшествовать ей. Вербализация может быть описанием осознанного схематизма, т.е. вторичной. Поэтому систематическое взаимодействие и взаимоперевод – самостоятельный стимул и фактор развития философской мысли.

Более того, представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия – как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное философствование мудрых людей, самой своей жизнью воплощающих ценностную норму. Возможно, существует философское осмысление, основанное на висцеральных источниках информации. По крайней мере, в мировоззрении и миропонимании П.Я. Чаадаева, по его собственным свидетельствам, играли заметную роль пищеварительные и другие обстоятельства внутреннего самочувствия².

Философия, подобно Протею, способна принимать самые различные, непохожие друг на друга обличья. Она столь же многообразна, как и пути человеческого самоопределения, самосознание, самообъяснение и самооправдание. Поэтому вряд ли обоснованы претензии какого-то одного способа философствования на исключительность и общезначимость. К такому выводу приводит рассмотрение даже чисто внешних форм бытования философии. Что же говорить о разнообразии философствования, если включить в поле зрения его концептуальное разнообразие?!

Философия как нормативно-ценностная система культуры

Представляется, что различие философствования и философии, «профессиональной» и «непрофессиональной» философии – во

всем их жанровом разнообразии – не абсолютно, а относительно, связано с динамикой единого процесса. Философия в виде философствования присутствует в каждой субкультуре: профессиональной, возрастной, досуговой... В каждой из них имеются свои философствующие. Часто профессиональная философская субкультура питается отсюда. Выше уже отмечалась особенность истории русской философии – перманентная институционализация неинституциональной философии.

Спектр способов философствования широк: паремии, притчи и басни, сюжеты и системы. Но общее требование к ним с точки зрения философского этоса – претензии на исчерпывающее осмысление. Несмотря на возможное цитирование, разные направления понимают друг друга плохо. Общее – в вопросах, а не в ответах. Философ – это тот, кто ищет смысл жизни, основы всего сущего, объяснение мира вообще. Ответы на эти вопросы могут быть разными, но все они будут философскими, потому что сама постановка этих вопросов предполагает позицию «неотмирности», выход в контекст этого мира и этой жизни. Поэтому философы – это те люди, от которых шарахаются, над которыми смеются, так как они «не от мира сего». Но в кризисной ситуации, когда «этот мир» распадается, открывая перспективы «мира иного», оказываются виноватыми именно они – как «учителя жизни», которые привели «не туда».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Epstein M. Symposium and Russian Filosofia // Symposium. A Journal of Russian Thought. 1996. Vol. 1. – P. 3–6.*

² См.: *Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. В 2 т. – М., 1991. Т. 2. – С. 18 – 64.*

Аннотация

Рассматриваются особенности философского осмысления действительности, включая вербальные и невербальные. Различаются философствование и собственно философия, соотношение между ними.

Ключевые слова: культура, осмысление, рациональность, философия, философствование.

Summary

The article deals with features of the philosophical interpretation of reality, including verbal and nonverbal. The article also differs philosophizing and philosophy proper, the relationship between them.

Keywords: comprehension, culture, rationality, philosophy, philosophizing.